УДК 82.0

DOI: 10.17223/19986645/62/15

А.В. Марков

ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СТРУКТУРАЛИСТСКОГО ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ В.Н. ТОПОРОВА

Доказывается, что литературоведческая программа В.Н. Топорова не сводится к структурализму, но вбирает в себя феноменологическую проблематику от Гуссерля до Дерриды, прежде всего отношение между семантическим и символическим. Топоров вел скрытый диалог и спор с постструктурализмом. Ключевые идеи Топорова, такие как городской текст, мифопоэтика, поэтика вещи, множественные этимологии, становятся понятнее исходя из феноменологической нормы осмысления вещественного мира и пространства.

Ключевые слова: *структурализм, постструктурализм, феноменологическая* философия языка, точка зрения в литературе, феноменологическое литературоведение, В.Н. Топоров.

Введение. Постановка проблемы

Интеллектуальная история семиотики в СССР, с центрами в Тарту, Москве и Ленинграде [1. С. 84] или, в ряде изложений, только в Тарту и Москве [2. С. VII], обычно не включает философские предпосылки семиотических исследований, за исключением лингвистического рационализма Р. Карнапа [3. С. 324–325] или обобщенного кантианства [4. С. 220]. Но даже если семиотические исследования отдельных объектов могли обходиться без философской рефлексии, очевиден продуктивный философский интерес крупнейших представителей семиотики к проблематике современной философии. При этом если в работах Ю.М. Лотмана или Вяч.Вс. Иванова философия оставалась одним из множества предметов исследования, наравне с другими самыми различными явлениями культуры, то В.Н. Топоров исходил из того, что определенная философская установка необходима для исследования сложных семиотических объектов.

Больше всего В.Н. Топоров тяготел к феноменологии, как наиболее последовательной философской программе, в которой познавательная установка предшествует отдельным актам познания. Напомним, что в основе феноменологической философии лежит понятие интенциональности — направленности сознания на предмет, не зависящей от индивидуальных качеств сознания. Если отношения сознания к предмету не определяются только его индивидуальными предпочтениями, то горизонт восприятия вещей определяется как актами познания, так и актами оценки. При этом сами эти акты диктуются свойствами феноменов, самой возможностью мира быть воспринятым нами, а не структурой наших потребностей или

оценок. Сами наши потребности представляют собой вовсе не естественное состояние духа, а определенную работу с нашим «жизненным миром», которая способна как употреблять его во благо, так и злоупотреблять им. Именно такова базовая схема феноменологии, разделяемая всеми феноменологами, до споров, скажем, о том, входит ли в свойства феноменов их способность производить смыслы (во французской феноменологии и феноменологическом психоанализе) и не является ли любая работа с жизненным миром таким злоупотреблением («заботой», как в «Бытии и времени» Хайдеггера).

В.Н. Топоров напрямую указывал на ряд преимуществ феноменологии перед другими философскими школами при интерпретации художественных произведений. Прежде всего, анонимный характер интенциональности помогает объяснить специфику характера романного героя, никогда не высказывающего себя и свою «идею» целиком [5. С. 169], что позволяет дополнить теорию «полифонического романа» М.М. Бахтина герменевтикой характера. Далее, интенциональность включает в себя как выбор предмета, так и оценку этого выбора, что позволяет интерпретировать реализацию смыслов в истории как результат не просто частных намерений, но определенной логики культуры [Там же. С. 321]. Наконец, интенциональное заполнение горизонта подразумевает, что мы считываем не только смыслы артефактов, но и замысел и тем самым можем интерпретировать творческую программу, а не только творческие достижения отдельных писателей [Там же. С. 431]. Таким образом, феноменология оказывается философским направлением, позволяющим связать культурную историю и творческий акт.

Как знают все читатели В.Н. Топорова, культурная история в его работах была прежде всего историей локализованных текстов, таких как «петербургский текст» или текст «святости в русской культуре». Творческий акт тоже развертывался как особым образом локализованные тексты в мифологическом сознании: В.Н. Топоров говорил о «мифопоэтике» как о производстве художественных текстов, локализующих определенные акты сознания, привязывающих их к различным повышенно символическим объектам. В данной статье мы выясняем, как именно феноменологическая философия позволила развертывать и жизнь культуры, и жизнь индивидуального сознания как ряд поэтических текстов, каким-то образом соотносимых внутри некоторого горизонта. Итак, наша проблема — выяснить, как феноменология предоставила В.Н. Топорову новые возможности для интерпретации жизни текстов, а не жизни феноменов и как учет феноменологического контекста позволяет продуктивнее использовать достижения В.Н. Топорова в современных литературоведческих исследованиях.

История вопроса

Главной трудностью в анализе феноменологических предпосылок исследовательского метода В.Н. Топорова стало почти неизбежное в неспециальных работах вокруг его идей смешение специализированного и обы-

денного значения слова «феномен». Чаще всего в литературоведческих трудах, в том числе и весьма компетентных философски, слово «феномен» употребляется в смысле «совокупность наблюдений» а «феноменология» – «совокупность наблюдаемых явлений», например: «Так, описывая феноменологию железнодорожного полустанка, Пастернак выявляет его смысл» [6. С. 205]. Исследование интенциональности при этом подменяется исследованием наблюдаемых данных, а объективный режим интенциональности – субъективным режимом воображения, которое и превращает «знаковое» в «символическое». Символическое тогда возникает благодаря «конструктивной силе творческого воображения, вносящего свои символические структуры в реальность» [Там же. С. 7], что противоречит как выводам феноменологии о символическом как не зависящем от структур воображения, так и выводам В.Н. Топорова о культурных универсалиях (таких как Мировое Древо) как существующих независимо от воображения символах, структурирующих опыт. В своих рассуждениях о Мировом Древе [7] В.Н. Топоров оказывается явно близок схеме Лакана, противопоставляющей символическое, воображаемое и реальное: воображаемые функции этого древа, такие как плодоносность или защита, динамически оспариваются его символическим смыслом как модели Вселенной.

Ближе к позиции В.Н. Топорова стоит интерпретация феноменологии как средства сблизить позицию автора и читателя, когда главной целью рецепции феноменологии в литературоведении объявляется «раскрытие авторско-читательского "я"» [8. С. 69], причем мир феноменов понимается как стимулирующий творческое воображение равно автора и читателя. Но такой подход не учитывает, что культурные универсалии, согласно Топорову, появились еще до возникновения позиций автора и читателя, как он сам пояснял в статье «Поэт» в энциклопедии «Мифы народов мира» [7], универсализм фигуры поэта – универсализм не творческого воображения, но определенной божественной позиции, предшествующей привычной нам позиции «автора». Здесь мы сталкиваемся с еще одним недоразумением, которое мешает правильно понять феноменологические предпосылки исследований В.Н. Топорова: сведение его метода к общему для структурносемиотических исследований противопоставлению инварианта и вариантов, так что его специфика якобы состоит лишь в выборе предметов исследования. Но мы покажем, что в случае Топорова, в отличие от других отечественных структуралистов, невозможен прямой переход от инварианта к варианту. без дополнительного включения механизмов символизации вещей или локализации смыслов.

На несводимость символического, по Топорову, как к структурам знака, так и к готовым схемам восприятия знака обратил внимание С.Г. Бочаров [9. С. 72]. Бочаров, однако, интерпретирует символы и универсалии Топорова не в рамках феноменологической философии, но в рамках некоторых обыденных представлений о пробуждении ума, которое дают «изобильно-избыточно точные» их определения [Там же. С. 73]. Уже плеонастичность приведенного оборота показывает, что С.Г. Бочаров обособляет порядок

символического производства у В.Н. Топорова от порядков литературоведческой интерпретации, хотя далее и не развивает мысль. Чтобы понять, чем является мир символов у В.Н. Топорова, необходимо начать с анализа лингвистических исследований, которые и были основной специальностью ученого.

От лингвистического к символическому

В.Н. Топоров в своих лингвистических работах всякий раз указывал, что семантическая динамика понятия, своеобразный творческий потенциал слова, не выводится исключительно из истории слова. Так, профессиональная этимологизация при интерпретации явлений культуры может оказаться не более значимой, чем примеры «народной этимологии» [10. С. 206], тогда как влияние этимологии слова на культуру может быть только «сверхдальней связью» [11. С. 230]. Тем самым горизонт этимологических смыслов полностью принадлежит «жизненному миру», тогда как символическое связывает самые непохожие семантические явления в культуре, которые и оказываются интерпретацией мира феноменов.

Понятие «жизненного мира» в работах В.Н. Топорова употребляется под псевдонимом «контекст». Важно, что контекст всегда уточняет значение высказываний, но не значения отдельных знаков. Интересно, что В.Н. Топоров всегда дает контексту многословные плеонастические определения, скажем, в "его генетически-родовом контексте <...> более широком и общем контексте" [12. С. 103]. Таким образом, контекст – это то, что переживается как факт существования, как общее состояние жизни или общее состояние смысла, но что не может быть инструментализировано.

Отождествление жизненного мира и контекста невозможно у Гуссерля, но оно нормативно в работах Жака Дерриды. Хотя В.Н. Топоров, судя по всему, специально не интересовался работами Ж. Дерриды, есть целый ряд свойств, сближающих двух исследователей. Так, оба связывают функционирование символов с многоязычием, в отличие от одноязычия воображения или прагматического использования семантики, оба склонны к этимологизированию, к экспериментам с семантикой, к составлению «словбумажников» (у Дерриды – необычных слов, у Топорова – плеонастичных слов-выражений). Далее мы имеем в виду работу Ж. Дерриды «Des Tours de Babel» [13] (что можно перевести «От Вавилонских башен» или «Вокруг Вавилона»), опровергающую лингвистическое понимание речевой прагматики исходя из образа «Вавилона» как предшествующей производству прагматических решений ситуации. В.Н. Топоров не ссылается на Дерриду, но при этом его постоянный скрытый спор с русскими формалистами соответствует спору Дерриды с Остином. Деррида упрекает Остина в том же, в чем Топоров – формалистов: что они понимают форму (лингвистическую в случае Остина и эстетическую в случае формалистов) как конструктивный фактор и отрицают начальные механизмы символизации, которые и делают форму существующей независимо от нашего жизненного мира и при этом опознаваемой. И как Деррида отождествляет эту начальную символизацию с конкретным местом, Вавилоном, так и Топоров говорит о местах событий, содержание которых не сводится ни к наблюдениям над событиями, ни к наблюдениям над самими местами.

Места символизации

Если Деррида любил для таких мест повышенной символизации метафоры авангардного типа (легко можно представить сюрреалистическое произведение под названием «Вавилонские башни»), то Топоров – консервативные метафоры. Там, где у Дерриды будет «Вавилон», у Топорова, например «урочище» (авторский термин) как место производства смыслов Киевской Руси [14. С. 275] или Летний Сад как место производства смыслов петербургской эпохи русской культуры. Замечательно, что эти места – вовсе не центральные, а окраинные, похожие не на точку, а на растянутую околицу, что только и позволяет им справиться со «смысловой протяженностью» [5. С. 477] культурных явлений. Такой выбор мест вполне отвечает и интересу Дерриды к маргинальному в противовес центральному.

Соответственно, там, где Деррида опирается на смыслопорождающий потенциал оговорок, ослышек, непредсказуемых эффектов письма как прорывов символического в область воображаемого, там Топоров исследует специфические непредсказуемые эффекты уникальных явлений русской грамматики, такие как наличие совершенного и несовершенного вида. Так, в исследовании «Пространство и текст» (конец 1970-х, опубл. в 1983 г.) [15] указывается, что совершенство по-разному действует на уровне воображаемого и символического: символизируется оно как нечто завершенное, тогда как воображается как нечто уникальное (даже если оно на самом деле повторяется). Тогда символическая логика оказывается раскрытием семантики совершенного вида как обозначения завершенного действия, при этом воображение просто обособляет в качестве уникального рядовую грамматическую норму. В частности, как рассуждает В.Н. Топоров:

Отсюда стремление к идеальным, совершенным (абсолютным) формам как знакам завоеванного (или отвоеванного) пространства — от набросков идеального города у Пьеро делла Франческа до реального купола Санта Мариа дель Фьоре и даже до попыток осмысления и планирования пространственных искусств (ср. метод моделей Альберти, в частности интерес к членению человеческого тела). Во всех этих случаях принципиально меняется само отношение к пространству: человек берет на себя задачу, которая раньше была уделом бога или даже превышала божественные возможности [Там же. С. 230].

Таким образом, совершенство формы следует из завершенности войны – из полного овладения пространством. Но при этом символическое никогда не овладевает воображаемым до конца: планирование искусств оказывается попытками, тогда как из решения задач никак не следует, что

они перестают превышать не только человеческие, но даже божественные возможности. Следовательно, завершенность вовсе не означает подчинения реальности какому-то образу, но независимость производства смыслов от эффектов реальности.

Апофеоз такой независимости В.Н. Топоров усматривал в жанре романа, в котором производятся не только отдельные смыслы, но и само совершенство, завершенность восприятия. Именно роман оказывается для Топорова настоящим апофеозом национального языка:

Свои наиболее полные триумфы "пространственность" справляет в романе, который с этой точки зрения может рассматриваться и как наиболее совершенная модель пространственных отношений в художественном тексте... [14. С 283—284].

При этом именно в романе возникает настоящий феноменологический герой, для которого акты познания не отделены от акта оценки. Таким героем «поэтики вещи» был для Топорова гоголевский Плюшкин [5. С. 7–24]. Плюшкина в своей «Апологии» Топоров интерпретировал как своеобразного феноменолога-практика, для которого акт собирания вещей не отделен от оценки собственного жизненного мира.

Оборот «наиболее совершенная» – один из многих в работах В.Н. Топорова плеонастических оборотов, другой пример: «учение о пути (или Путь как учение) играет совершенно исключительную роль» в трактатах о Дао [14. С. 269], или «признаковое пространство текста... результат... совершенно реальной трансформации внешнего пространства» [Там же. С. 81]. Если ни один редактор не согласился бы с оборотами вроде «совершенно исключительный» или «совершенно реальный», то В.Н. Топоров на них настаивает, тем самым показывая, что смыслопорождение не продолжает привычную семантическую логику, но развертывает в своеобразном ценностно размеченном пространстве логику символа. Символ всегда совершенен и исключителен, но для его воображаемой локализации необходима плеонастичность посвященных ему выражений. Точно так же как локальный текст, например петербургский, создается в работах Топорова избытком нарочитых поэтизаций. Так Топоров мыслит и святость в специальной монографии [Там же] – не как наличие исключительных качеств, но как плеонастическую фигуру посвящения, прибавки как освящения. Так же и у Дерриды его искусственные «слова-бумажники» показывают приоритет «событий» как системы интеллектуальных статусов над системой реальных или воображаемых обстоятельств.

Проблематизация синтагматики и парадигматики

Но существует еще более поразительная параллель между Топоровым и Дерридой, тем более показательная, что Топоров ни разу не ссылается на труды Дерриды в этих вопросах. Весь метод Дерриды основан на призна-

нии недостаточности синтагматики для выстраивания всех необходимых смыслов, на наличии в синтагматике разрывов и областей неопределенности, так что парадигматика сама оказывается некоторым разрывом, началом различения, а не сопоставления или сближения. Эта тема приоритета различия над тождеством в образовании идеальных парадигм – стержневая для большой философской традиции, включающей как Гуссерля и Хайдеггера, так и Лакана, Делёза, Дерриду. Но так же рассуждает и В.Н. Топоров:

...Борис и Глеб образуют пару лишь в некоторой идеальной и вторичной по происхождению *парадигме*, которая никак не поддержана структурой *синтагмы* [12. C. 495].

Где в истории святость, там в поэзии топика хвалы. В.Н. Топоров прямо говорит, что ряд дискурсивных тем в русской поэзии, построенных исключительно по синтагматическим принципам, как «тема ночи» [15. С. 16], грозят синтагматическими разрывами и несоответствиями. Поэтому парадигма хвалы либо исключает некоторые темы, либо показывает их недостаточность, их принадлежность исключительно частному жизненному миру, а не интенциональному порядку.

Источником такой близости Топорова и Дерриды стало общее прочтение Хайдеггера и одно общее искажение, которое оба теоретика независимо друг от друга привнесли в мысль Хайдеггера. Хайдеггер противопоставлял пространство новоевропейской науки, как бескачественное и потому неподлинное, пространству события, наделяющему качества вещей неотменимым смыслом. И Деррида в концепции «хоры» как бескачественного пространства-материала, и Топоров в концепции художественного пространства отождествили эту бескачественность с подвластностью, тогда как событие – с отказом от властных притязаний. Топоров так и пишет, что писатель «объективизирует» и «покоряет» пространство [13. С. 446], с прямой ссылкой на Хайдеггера (Гейдеггера, как он предпочитал писать), хотя мысль Хайдеггера прямо противоположна: бескачественное нельзя покорить или превратить в материал. Но для Дерриды и для Топорова пространство – это место разрывов, и такие разрывы показывают ограниченность нашей воли в сравнении с интенциональной природой нашего знания. Так, совпав в радикальной критике частного «жизненного мира», теоретики совпали и в понимании отношения синтагматического и парадигматического.

Фигуры аргументации В.Н. Топорова

Деррида, доказывая рваный характер синтагматики и внутреннюю интенциональность парадигматики, всегда ссылался как на наследие психоанализа, так и на общую проблематику автономии идей от Платона до Гуссерля. Топоров всегда цитирует Платона или Фрейда как отдельные примеры, уточняющие его собственную идею «мифопоэтического», и поэтому нуждается в других обоснованиях.

Топоров разрушает привычное представление о взаимодополнительности синтагматического и парадигматического начал в выстраивании смысловых рядов, создавая выразительные идиомы. Таково, например, употребление предлога «при» для сопоставления прототипа и героя: «Родион Павлович Миусов при Родионе Раскольникове» [5. С. 554], что доказывает сравнительную независимость парадигматического знания (знания прототипа) от синтагматического прочтения героя. Таково написание «лейтмотив» в кавычках и через дефис [5. С. 552], что тоже показывает сравнительную независимость «лидерства» от системы мотивов. Наконец, это использование специфических ремарок, перебивающих цитату, скажем, в цитате из «Моего временника» Б.М. Эйхенбаума:

«Я поехал снимать комнату на Петербургской стороне. Вода стояла высоко. Город вздрагивал всю ночь. Цитатой из Пушкина торчал на скале Петр. К утру было все спокойно. Вторично поэма не удалась. <...> На меня нападала тоска. Петербург — не город, а государство...» И — как бы обманывая ожидание: «По Васильевскому острову стали шагать немецкие академики и российские поэты. <...> Здесь, на набережной, недалеко от здания 12 коллегий, родилась российская словесность, превратившаяся потом в русскую литературу» [16. С. 17].

Мы не поймем, в чем обман ожидания, если будем читать текст как простое описание событий: выведение из сюжета «Медного Всадника» петербургской локализации литературы не обманывает, скорее, оправдывает ожидания. Но если мы вспомним, что Топоров исходит из того, что локус порождения смыслов – окраина, а не центр, то обманом ожиданий оказывается само рождение словесности как некоторое центральное событие культуры, то самое достижение плеонастического полного совершенства как горизонта интенциональности, отличающегося от жизненного мира привычных событий.

Все три фигуры, предлог, дефис и ремарка, работают в трудах В.Н. Топорова одинаково: они показывают, что любое синтагматическое смыслопорождение противоречиво там, где мы признаем наличие художественной, а не только обыденной реальности. Но Топоров, в отличие от других структуралистов, не противопоставляет художественную реальность как фигуральную обыденной реальности как прямолинейной. Напротив, художественная реальность и создается как исключительное событие, в отличие от повторяющихся обыденных событий, и раз обыденный язык не обладает достаточным ресурсом для спецификации исключительных объектов, нужно ввести те фигуры аргументации, которых он ранее не знал.

Причины близости позиций Дерриды и Топорова

Деррида утверждает, что не только Вавилон не может стать вполне нарицательным именем, но и его перевод «смешение» тоже не может стать нарицательным [13. Р. 172]. Но и у Топорова наравне с рассмотренной фи-

гурой реплики внутри цитаты встречается и сложное переплетение реплик и полуцитат, как раз доказывающее невозможность превращения собственных имен в нарицательные при любом переводе (понимаемом широко, как любой акт интерпретации в культуре):

Молодой, 27-летний Николай Иванович Тургенев вернулся в Россию, побывал в Москве и, наконец, приехал в Финополис (vulgo Петербург), как он называет северную столицу в дневниковой записи от 9 января 1817 г., или, проще, в «финское болото», как называли город многие... [16. С. 12].

В трех строках пересказа дневниковой записи Н.И. Тургенева мы видим целых три реплики: vulgo, «проще» и «как называли... многие». Семантически все три реплики означают одно и то же: позицию широкой публики. Но именно постоянный перевод, осуществляемый интерпретатором, показывает невозможность встраивания образа Петербурга в нарицательные синтагматические употребления.

Еще одна причина близости позиций Топорова и Дерриды при отсутствии прямого влияния или ссылок - сходное понимание «долга». Источники этого понимания были различны: Тартуско-московская семиотика во главе с Ю.М. Лотманом поощряла изучение отечественной аристократической культуры с ее чувством долга, тогда как Деррида был подчеркнуто демократичен. Но Топоров и Деррида одинаково понимают долг внеситуативно, не как форму зависимости, возникающей внутри социальных отношений, но как непосредственное оформление самих социальных отношений. Так, Деррида говорит о «долге перевода» [13. Р. 166] как о внимательности, противостоящей привычной синтагматике, а Топоров – о «долге перед всеми... пространствами» [5. С. 464] как о главном источнике творческого вдохновения, взламывающем привычные порядки восприятия жизни. Поэтому там, где у других структуралистов был бы «инвариант» и «вариант», там у Топорова всегда первичная парадигма как предмет интенции (обыденно понимаемой как «долг») и локус смыслопорождения – и синтагматические варианты, сами по себе недостаточные для смыслопорождения.

Выводы

Хотя герменевтика В.Н. Топорова на первой взгляд является вкладом в структурно-семиотическое изучение отечественной и мировой культуры, она показывает гораздо большую близость к постструктурализму, чем мы могли бы ожидать. Прежде всего, В.Н. Топоров, не объявляя об этом, разошелся с классическим структурализмом в понимании универсалий: «мифопоэтические» универсалии не были для него условностями, помогающими обобщению данных об окружающем мире, но интенциональными объектами, восприятие которых неотделимо от оценки, а функционирование — от производства ценностей. На основании этого Топоров предпринял

серьезнейшую критику синтагматического понимания смыслопорождения, причем, как и у постструктуралистов, эта критика поддерживалась как поиском смысловых разрывов, так и введением новых фигур речи, необычных фигур аргументации, напоминающих каламбуры или фокусы. У Топорова эти фигуры не выглядят так скандально, как у постструктуралистов, что поможет примирить с постструктуралистской мыслью тех, кто допускает только фактологическую аргументацию.

Любая редукция мысли В.Н. Топорова к консервативной историософии или к переносу лингвистического инструментария в культурологические исследования должна быть признана противоречащей его проекту исследования продуктивности мифопоэтического начала в культуре. Метод В.Н. Топорова вовсе не является своеобразной машиной понимания, постоянно реинтерпретирующей культурные факты; напротив, употребление фигур реинтерпретаций, разного рода тавтологий, сдвигов и реплик показывает границы работы такой машины.

Литература

- 1. *Седакова О.А*. Европейская идея в русской культуре: ее история и современность // Свет Христов просвещает всех. 2013. № 7. С. 74–90.
- 2. Hиколаева T.M. Введение // Из работ московского семиотического круга. M., 1997. C. VII–XX.
- 3. Пятигорский А.М. Заметки из 90-х о семиотике 60-х годов // Ю.М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. М., 1994. С. 324–329.
- 4. *Лотман М.Ю.* За текстом: заметки о философском фоне тартуской семиотики (Статья первая) // Лотмановский сборник. М., 1995. Т. 1. С. 214–222.
- 5. *Топоров В.Н.* Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: избранное. М.: Прогресс-Культура, 1995.
  - 6. Абашев В.В. Пермь как текст. Пермь: изд-во Перм. ун-та, 2000. 404 с.
- 7. $Mu\phi$ ы народов мира: энциклопедия / ред. С.А. Токарев. М. : БСЭ, 1980–1981. Т. 1–2.
- 8. *Большакова А.Ю.* «К самим вещам»: феноменологические основания современного литературоведения // Филологический класс. 2016. № 3. С. 68–74.
- 9. Бочаров С.Г. Космос В.Н. Топорова // Бочаров С.Г. Филологические сюжеты. М., 1997. С. 527–538.
- $10.\ Tonopos\ B.H.\ O$ некоторых теоретических аспектах этимологии // Этимология 1984. М., 1986. С. 205—211.
- $11.\ Tonopos\ B.H.\ K$ вопросу о древнейших балто-финноугорских контактах по материалам гидронимии // Балто-славянские исследования 1988-1996: сб. науч. тр. М., $1997.\ C.\ 325-331.$
  - 12. Топоров В.Н. Странный Тургенев: четыре главы. М.: РГГУ, 2008. 88 с.
- 13. *Derrida J.* Des Tours de Babel / transl. by Joseph P. Graham // Difference in translation. Ithaca; London 6 Cornell U.P., 1985. 212 p.
- 14. Топоров В.Н. Святость и святые в русской духовной культуре: первый век христианства на Руси. М.: Языки русской культуры, 1995. 680 с.
- 15. *Топоров В.Н.* Пространство и текст // Текст: семантика и структура. М., 1983. С. 227–284.
- 16. Топоров В.Н. Петербургский текст русской литературы: Избранные труды. СПб. : Искусство-СПб, 2003. 348 с.

Phenomenological Aspects of Structuralist Literary Studies by Vladimir Toporov

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2019. 62. 226–237. DOI: 10.17223/19986645/62/15

Alexander V. Markov, Russian State University for the Humanities (Moscow, Russian Federation). E-mail: markovius@gmail.com

Keywords: structuralism, post-structuralism, phenomenological philosophy of language, point of view in literature, criticism of phenomenology in literary criticism, phenomenological literary criticism.

The article is devoted to Vladimir Toporov, the largest representative of Russian semiotic culturology. In his works, Toporov went beyond the framework of classical structuralism and approached post-structuralism. The article poses the problem of how knowledge of poststructuralist theory can help understanding Toporov's statements. In the "Introduction", it is proved that Toporov borrowed a lot from Husserl's phenomenological method, and, in this, he is similar to Jacques Derrida, who also created original methods and approaches by combining structuralism and phenomenology. The article provides numerous examples of how the searches of Derrida and Toporov went in parallel, and how, when the goals were different, they came to similar results that have methodological significance for today's literary criticism. The question includes the analysis of such concepts as "place", "symbol", "meaning", "origin", "etymology" in Toporov's system in their interrelation and correlation with the achievements of French post-structuralism. In the section "From the Linguistic to the Symbolic," it is proved that Toporov understood linguistics as a general method of the humanities, including clarification of the limits of symbolisation in other sciences. In the section "Places of Symbolisation," it is proved that Toporov, in the analysis of the novel genre, brought together the topic of the novel and the system of geographical places. In the section "Problematisation of Syntagmatics and Paradigmatics," it is proved that Toporov metacriticised the syntax and basic compositional organisation of text, which is significant not only for linguistics, but also for methods of literary history. In the section "Toporov's Arguments," it is proved that Toporov approved as a matter of course the most important provisions of the twentiethcentury continental philosophy from Heidegger to Derrida, for example, on the priority of difference over identity. All these Toporov's achievements are becoming clearer if to consider them in the context of the development of European post-structuralism (it was closer to literary criticism), which will help enrich the literary methods. The last section of the article, "The Reason for the Proximity of Derrida's and Toporov's Positions," indicates how both researchers understood the ethical and epistemological background of the humanities, and proves that the concept of the widely understood "duty" lies at the heart of literature interpretations by both thinkers. This has made it possible to draw conclusions that the interpretation of intention and text, which Toporov gives, is a creative development of phenomenology comparable to Derrida's project, and can be further used in the study of philosophical conclusions from a literary text.

References

- 1. Sedakova, O.A. (2013) Evropeyskaya ideya v russkoy kul'ture: ee istoriya i sovremennost' [The European idea in Russian culture: its history and modernity]. *Svet Khristov prosveshchaet vsekh*. 7. pp. 74–90.
- 2. Nikolaeva, T.M. (ed.) (1997) *Iz rabot moskovskogo semioticheskogo kruga* [From the works of the Moscow semiotic circle]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury. pp. VII–XX.
- 3. Pyatigorskiy, A.M. (1994) Zametki iz 90-kh o semiotike 60-kh godov [Notes from the 1990s on the semiotics of the 1960s]. In: Koshelev, A.D. (ed.) *Yu.M. Lotman i tartusko-moskovskaya semioticheskaya shkola* [Yu.M. Lotman and the Tartu-Moscow Semiotic School]. Moscow: Gnozis. pp. 324–329.
- 4. Lotman, M.Yu. (1995) Za tekstom: zametki o filosofskom fone tartuskoy semiotiki (Stat'ya pervaya) [Behind the text: notes on the philosophical background of Tartu semiotics

- (Article One)]. In: Permyakov, E.V. (ed.) *Lotmanovskiy sbornik* [Lotman Collection]. Vol. 1. Moscow: ITs-Garant. pp. 214–222.
- 5. Toporov, V.N. (1995) *Mif. Ritual. Simvol. Obraz. Issledovaniya v oblasti mifopoeticheskogo: izbrannoe* [Myth. Ritual. Symbol. Form. Mythopoietic Research: Selected works]. Moscow: Progress-Kul'tura.
  - 6. Abashev, V.V. (2000) Perm' kak tekst [Perm as a Text]. Perm: Perm State University.
- 7. Tokarev, S.A. (ed.) (1980–1981) *Mify narodov mira* [Myths of the Peoples of the World]. Vols. 1–2. Moscow: BSE.
- 8. Bol'shakova, A.Yu. (2016) "Towards an essence of things!" The phenomenological approach in the modern literary criticism. *Filologicheskiy klass Philological Class*. 3. pp. 68–74. (In Russian).
- 9. Bocharov, S.G. (1997) *Filologicheskie syuzhety* [Philological Subjects]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur. pp. 527–538.
- 10. Toporov, V.N. (1986) O nekotorykh teoreticheskikh aspektakh etimologii [On some theoretical aspects of etymology]. In: Zh.Zh. Varbot et al. (eds) *Etimologiya 1984* [Etymology 1984]. Moscow. pp. 205–211.
- 11. Toporov, V.N. (1997) K voprosu o drevneyshikh balto-finnougorskikh kontaktakh po materialam gidronimii [On the question of the oldest Balto-Finno-Ugric contacts based on hydronymic materials]. In: Ivanov, Vyach. Vs. et al. (eds) *Balto-slavyanskie issledovaniya* 1988–1996 [Balto-Slavic studies 1988–1996]. Moscow: Indrik. pp. 325–331.
- 12. Toporov, V.N. (2008) *Strannyy Turgenev: chetyre glavy* [Strange Turgenev: Four chapters]. Moscow: Russian State University for the Humanities.
- 13. Derrida, J. (1985) Des Tours de Babel. Translated from French by J. P. Graham. In: Graham, J.P. (ed.) *Difference in translation*. Ithaca; London: Cornell University Press.
- 14. Toporov, V.N. (1995) Svyatost' i svyatye v russkoy dukhovnoy kul'ture: pervyy vek khristianstva na Rusi [Holiness and Saints in Russian Spiritual Culture: The first century of christianity in Russia]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury.
- 15. Toporov, V.N. (1983) Prostranstvo i tekst [Space and text]. In: Tsiv'yan, T.V. (ed.) *Tekst: semantika i struktura* [Text: Semantics and structure]. Moscow: Nauka. pp. 227–284.
- 16. Toporov, V.N. (2003) *Peterburgskiy tekst russkoy literatury: Izbrannye trudy* [Petersburg text of Russian literature: Selected works]. St. Petersburg: Iskusstvo-SPb.